

Сообщение
УДК 94
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Ольга и Борис Морозовы через Монголию в Китай (из семейного архива)

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. Публикация посвящена архивному собранию и произведениям Ольги Александровны (урожд. Колосова, 1877–1968) и Борису Ивановичу / Иоановичу (1902–1960, Лейквуд, США), которые из России попали в Монголию в 1919 г., затем эмигрировали в Китай (Тяньцзинь и Шанхай), где публиковали свои литературные и научно-просветительские произведения. В последние годы жили в США. Материалы для публикации выявлены из личной коллекции О.А. Морозовой, хранящиеся в Музее русской культуры (МРК) в Сан-Франциско и русской коллекции Гавайского университета.

Ключевые слова: О.А. Морозова, Б.А. Морозов, любительское Китаеведение. русские в Китае, русские в Монголии, эмигрантские мемуары

Для цитирования: Хисамутдинов А. А. Ольга и Борис Морозовы через Монголию в Китай (из семейного архива) // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 174–181. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Message
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Olga and Boris Morozov via Mongolia to China (from the family archive)

Amir A. KHISAMUTDINOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Abstract. The publication is dedicated to the archival collection of Olga Alexandrovna (nee Kolosova, 1877–1968, Los Angeles) and Boris Ivanovich / Ioanovich (1902–1960, Lakewood, USA), who from Russia came to Mongolia, then emigrated to China (Tianjin and Shanghai), where they published their literary (autobiographical novel "Fate", "Irreversible" and "Nora") and scientific and educational works. In recent years they lived in the USA. An excerpt from the book by B.I. Morozov is published. "Mongolia: from a traveler's notebook" (Tianjin: Knowledge, 1935). The last unpublished works of O.A. are noted. Morozova: "Notes about Tubabao" and "Cultural forces of Russian emigration." Materials for publication were identified from the personal collection of O.A. Morozova (3 boxes and an album of photographs. Inventory compiled by A. Shmelev), stored in the Museum of Russian Culture (MRC) in San Francisco and the Russian collection of the University of Hawaii. Illustrations from the author's personal collection were used.

Keywords: O.A. Morozova, B.A. Morozov, amateur Chinese studies. Russians in China, Russians in Mongolia, emigrant memoirs

For citation: Khisamutdinov A. A. Olga and Boris Morozov via Mongolia to China (from the family archive) // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 174–181. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Введение

Несмотря на то, что история российской эмиграции уже хорошо исследована, но до сих пор остаются неизвестными биографии интересных личностей, живших в Китае. В Музее русской культуры в Сан-Франциско, хранится личное собрание литератора и просветителя О.А. Морозовой. Опись к ней составил в 2009 г. сотрудник Гуверовского института Анатолий Шмелев. Это собрание состоит из трех коробок¹, которые были микрофильмированы (МРК. Фонд О. Морозовой. Опись).

¹ Коробка (Box) 1: Биографические материалы, 1888–1968; Autobiographical note; Birth certificate; Clippings about or mentioning Olga Morozova. Includes obituaries; Curriculum vitae; Immigration papers; Television program transcripts. Includes Russian translations, additional associated correspondence, and letters of thanks by Morozova's daughter to George Putnam for his televised report on Olga Morozova; Miscellany; Пепелиска, 1939–1952 (Beliaev, Efim Pavlovich, 1939–1940) (Konstantinov, Petr Filaretovich, 1948–1952; До-

Публикации О.А. и Б.И. Морозовых [2, с. 124–125] собрала русский библиограф Гавайского университета Патриция Полански, которая много лет изучает литературу, изданную русскими эмигрантами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Автор благодарит заместителя председателя Музея русской культуры (Сан-Франциско, США) Ива Франкьена, который познакомил с собранием О.А. Морозовой в МРК, а также русского библиографа Гавайского университета (Гонолулу, США) Патрицию Полански за возможность использовать в настоящей статье сочинения Морозовых.

Иногда бывает, что имеются сведения об одной личности, но мало известно о его родственнике. Так случилось с Борисом Ивановичем (Иоанновичем) Морозовым (1902, Харьков – 25 мая 1960, Лейквуд, США), который был внуком известного агронома Александра Александровича Колесова (1887–1901). Его мать Ольга Александровна Морозова (урожд. Колосова, 1877–1968) окончила Харьковский институт ведомства императрицы Марии Федоровны (1895 г.), получив в награду за отличную учебу "золотой шифр большого размера". Борис окончил Семипалатинскую мужскую гимназию, бегло говорил по-немецки и по-арабски.

Гражданская война все изменила. Отца с дочерью Наташей убили в поезде А.В. Колчака. Ольга Александровна бежала в 1919 г. с сыном Б.И. Морозовым в Китайский Туркестан. Они поселились в Чугучаке (Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Китай), где Борис Морозов поступил в китайскую школу. Он научился отлично говорить и писать по-китайски. Беспokoясь о будущем, он стал заниматься с одним эмигрантом, рассчитывая поступить в Институт путей сообщения, но последующие события не позволили этого сделать.

В 1925 г. Борис Морозов с матерью переехали в гор. Урумчи, где он устроился на работу простым рабочим на завод швейцарской фирмы "Чункин Импорт", вскоре став старшим мастером. Через два года Морозовы решили переехать в Тяньцзинь.

В своей книге он описал путь (14 нояб. 1927–1924 февр. 1928), который прошел с матерью. В экспедиции принимал участие известный шведский путешественник и географ Свен Гведин (1865–1952).

Б.И. Морозов писал в своей книге: "14 Ноября 1927 г. Итак, завтра мы наконец – едем... Сегодня караван-баш Ган перевез всех нас с вещами и провизией из города Гучена на заимку, где мы и проведем ночь. А завтра двинемся в путь на верблюдах и на 3-4 месяца оторвемся от всякой культурной жизни.

Невольно оборачиваюсь назад и вспоминаю последние дни, наши сборы, хлопоты, вообще всю ту сумятицу, в которой мы крутились больше месяца, стараясь оборудовать нашу поездку возможно лучше. Мы советовались с опытными людьми, принимая во внимание все, что нам говорилось, сами раскидывали умом, ображали. Но насколько все это, вместе взятое, даст в конечном итоге благоприятные результаты – покажет, конечно, будущее.

Помню большинство знакомых, особенно тетушка Марья Ивановна, все охали, как это я поеду через Монголию на верблюде, да еще зимой по 40–градусному морозу ... В конце концов меня так напугали, что я нашил себе массу теплых вещей и, когда все было готово, решил примерить, пригласив на консультацию Марью Ивановну, как лицо очень опытное, и много путешествовавшую в свое время, хотя, правда, не по пустыням, а по заграничным курортам.

Надел я теплое нижнее белье, затем суконные брюки и гимнастерку, кожаную пару, подбитую мехом, китайские стеганные ватные штаны, суконную на меху поддевку и наконец еще жеребковую доху. На ноги – длинные чулки из верблюжки, потом байбаки (чулки из кошмы) на меху и валенки. На голову – маховую с наушниками шапку и башлык, на руки – теплые перчатки и жеребковые рукавицы.

клады и рукописи, 1953–1965 and undated; "Kul'turnye sily russkoi emigratsii," n.d.; Background materials. Primarily newspaper clippings (obituaries) with attached photographs, and other compiled information. Коробка 2. Дополнительные материалы. Коробка 3. Тубабao: "Tubabao: Lager' IRO russkikh belykh emigrantov," 1953. Рукопись; Kak pomoch' bol'nomu cheloveku, 2nd edition, revised and enlarged, 1958; "World Law Day," Los Angeles Herald-Examiner, 1965 September 1; Printed copy and congratulatory letter from Charles Warren, California State Assemblyman. Альбом фотографий по Тубабao.

Фото 1. О.А. Матвеева. Источник: (МРК).

Photo 1. O. A. Matveeva. Source: (MRC).

Вышло так хорошо и тепло, как верно бывает зайцу, когда его ставят жарить, предварительно нашпиговав салом, а потом еще любовно прикрыв крышечкой. Но тетушка была в восторге. Когда же я подошел к зеркалу, то оказалось, что моя фигура была столь внушительных размеров, что даже не помещалась в трюмо. Ну что ж, это неплохо: ширина и высота всегда были в духе русского человека, лишь бы не вышло по пословице "велика Федура, да дура".

Не знаю, как влезу я в этом костюме в свою кабинку, но что в нем я не замерзну даже при 100 градусах мороза – это не подлежит сомнению.

Во время примерки пришел Виноградский. Он долго хохотал, глядя на меня, а затем серьезно сказал:

– Вы, мой милый, дурака не ломайте. Не забывайте, что Монголия – это песок, пустыня вроде Сахары; а разве в Сахаре холодно? Вам абсолютно не надо брать никаких теплых вещей, одно летнее. Ведь Вы едете к востоку, к морю, следовательно,

что ни день, то будет теплее. Что же вы будете делать со всем вашим гардеробом? Ведь соленой капусты из него не приготовишь?

Я совсем растерялся от слов Виноградского, и, хотя знал этого милого человека больше, как специалиста по женской части, чем серьезного житейского практика, но на душе у меня стало смутно: именно летнего то я с собою ничего и не брал.

Но тут мне на помощь пришла тетушка: не давая сказать больше Виноградскому ни слова, обозвав его "жонглером" (перепутав верно слово "фантазер"), она стала рьяно защищать свою позицию о холоде Монголии. Но со свойственной всем женщинам логикой скоро запуталась в своих доказательствах, рассердилась на Виноградского, рассердилась на меня и наконец ушла, не простившись и захватив с собою обратно теплый шарф, связанный ею мне в подарок на дорогу.

За нею ушел и Виноградский.

Оставшись один, я разоблачился и упал в кресло: я был весь мокрый и чувствовал себя так, как будто бы принял 10 порошков аспирина или же неудачно объяснился в любви какой-нибудь целомудренной бибикопф.

К вечеру зашел Николаев. Я как раз укладывал охотничье ружье и набивал в дорогу патроны.

Николаев удивленно поднял брови.

– Это вы что, никак ружье думаете брать с собою? – Спросил он.

– Ну конечно, оно уже прописано у меня в билете.

– А кого же вы будете стрелять в пустыне, своих верблюдов что ли? – Иронически спросил он, скривив в сторону губы.

– Нет, не верблюдов, – ответил я, раздражаясь. – А гусей, уток, фазанов, рябчиков..., наконец коз.

– Вы это серьезно?

– А вы думаете, шутя? Мне сейчас совсем не до шуток, так как у меня ничего не ладится.

– Конечно, и не может ладиться, когда у вас, простите, в голове раки ползают. Где же это в пустыне дичь, да еще водяная? Откуда вы это выдумали? Приснилось вам, что ли?

– Не выдумал и не приснилось! – Крикнул я уже совсем зло, – А мне все это подробно рассказывали шоферы, приехавшие недавно из Тяньцзиня этой же дорогой. Они говорят, что птицы в дороге было видимо-невидимо, и очень жалели, что у них не было ружья.

[...]

Итак, больше мы не увидим наших верблюдов, не увидим Гоби и Шамо. Впереди перед нами вставало неизвестное будущее, а сзади мы оставляли пески, камни, тяжелое безводье и тысячи трупов.

Дорогой, лишь по приближительному подсчету, мы встретили в транспортах свыше 12.000 верблюдов. Наш транспорт, по величине животных и их упитанности был один из самых лучших, и все-таки за дорогу, за три месяца, мы потеряли 10% (из пятидесяти пало пять, а последних, брошенных на заимке, я даже и не считаю). Следовательно,

за это время от прошедших по пустыням транспортов останется на месте не менее 1.200 истощенных, искалеченных идохлых животных.

Жуткая картина, жуткие цифры!

23 февраля. Ночевали в какой-то фанзе около дороги. Ехали вчера все время по жилым местам – поселки, кумирни, отдельные фанзы. Не скажу, чтобы лица встречных были симпатичны, поэтому наша охрана скакала с ружьями на перевес, а мы, русские, все ехали со взведенными курками в наганах. Здесь грабят постоянно, ежечасно, и именно в этих то, таких невинных придорожных домиках и скрываются грабители. Нападают они целыми сотнями, но случаи убийства весьма редки, обыкновенно все дело кончается грабежом.

Перед вечером перевалили высокую гору, через которую лишь недавно сделана хорошая дорога, а раньше она шла по обрыву, и была одной из семи египетских казней для проезжавших и самым любимым местом для грабителей. С перевала открывается вид на гор. Гуйхуачен, до которого всего сорок ли. Когда мы увидели, наконец, нашу обетованную землю – у всех брызнули из глаз слезы. Только в эту минуту мы со всей остротой почувствовали, как стосковались мы по нормальным условиям жизни и по тем маленьким удобствам, которая обыкновенно не замечаются, но лишение которых повергало нас в пути иногда в отчаяние.

24 февраля. Ночь провели опять в какой-то грязной и дымной фанзе, а утром, рассчитавшись с нашей охраной, двинулись в город, хотя охрана должна еще сопровождать нас до самого Гуйхуачена. Заплатили мы им всем 34 доллара, и столько же обязаны еще внести в городе Торговому обществу.

Дорогой, проезжая через какой-то поселок, наши первые подводы были остановлены стоявшей у моста охраной и реквизированы для перевозки военных грузов. Услыхав, в чем дело, я быстро вылез из своей двуколки и подошел к постовым: на мне была моя кожаная пара, за спиной неразлучное охотничье ружье, в руках

*Борис Ионович Морозов
в день прибытия в Гуйхуачен после
104 дней пути через Монголию.*

Фото 2. Б.И. Морозов. Источник: [2].

Photo 2. B. I. Morozov. Source: [2].

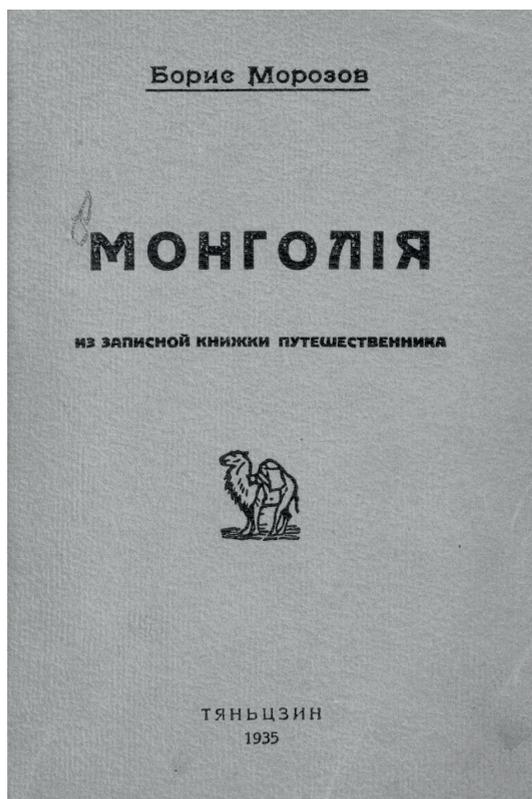

Фото 3. Обложка книги "Монголия".
Photo 3. Cover of the book "Mongolia".

наган. Вообще вид внушительный! Я храбро выругал постовых по-китайски за то, что они осмелились задержать транспорт с иностранцами, и постовые, сделав мне под козырек, почтительно расступились. Дальше мы ехали уже без всяких недоразумений, а с нами вместе ехала и вся фунтеза, благополучно проскользнувшая благодаря нам из Синьцзяня на Восток.

Около часу дня мы въехали в город и остановились в небольшой гостинице. Не прошло и десяти минут, как у нас в номере уже сидели китайские власти, знакомясь, спрашивая и тщательно отбирая все оружие вплоть до моего злосчастного охотничьего ружья. Путь наш закончен, и как-то даже не верится, что мы находимся опять в культурном сравнительно месте. Впрочем, с этой культурой я уже успел сегодня познакомиться: узнав, что в городе имеется большой католически собор, я, приведя себя в порядок, т. е. сходя в баню и побрившись, отправился перед вечером к ксендзу и, передав ему визитную карточку, просил принять меня. Мне так хотелось повидаться с кем-нибудь из иностранцев и поговорить. Но ксендз

выслал мне сказать, что с русскими он никакого дела иметь не желает ...

Печатаю дневник, не могу не помянуть добрым словом трагически погибшего в 1928 году Ян-ду-туна, Генерал-Губернатора Синьцзяня, который не только дал нам возможность выехать на восток в столь тревожное время, но и снабдил нас еще охранными грамотами и разрешением на провоз с собою необходимого в дороге оружия.

Также тепло вспоминаю я и о всех наших спутниках, не исключая фунтезы. Что же касается Гана, то несмотря на некоторые недоразумения с ним, все-таки ему мы должны быть особенно признательны, так как только благодаря его находчивости и его знанию дороги и законов пустыни мы сделали весь наш путь так сравнительно скоро и благополучно. Б. Морозов" [2, с. 5–7, 110–112].

В дальнейшем Борис Морозов продолжил работать в Чифу и Шанхае, отделениях той же швейцарской фирмы. Ему поручалось вести переписку на английском, немецком и китайском языках.

Мать Бориса Ольга Александровна, освоив азы китайского языка, открыла нотариальную контору в Тяньцзине, занималась литературной деятельностью. Из автобиографии О.А. Морозовой: "На литературное поприще вышла 20 лет назад, поместив в харьковской газете "Южный край" свой пасхальный фельетон "Березовая роща" под псевдонимом "М. Александров", так как тогдашний издатель и редактор газеты, Юзифович, относился к сотрудничеству у себя девиц более чем скептически. Так этот псевдоним и остался за мною на всю жизнь. Последние восемь лет своего проживания в Сибири я сотрудничала во всех западносибирских периодических изданиях, причем отрывки из романа "Судьба" были еще в 1919 году напечатаны в семипалатинской газете "За свободу". В эмиграции, будучи за-

кинутой в глухой угол Китая и не имея возможности и средств к изданию уже законченного романа "Судьба", с прологом к нему – "Невозвратное", я все-таки сумела связаться с кое-какими восточными газетами, и фельетоны мои, а также статьи на политические и другие темы под общим заголовком "Факты и мысли" были напечатаны в годы 1928–1934 в газетах "Слово", "Шанхайская заря" и журнале "Парус". Роман "Судьба" выпустила в этом году. В настоящее время работаю над шлифовкой своего нового романа из московской жизни – "Нора", а также над окончанием комедии "Мухи на меду" [4].

После "Судьбы" Ольга Александровна занялась другим масштабным проектом. Об этом она написала 1 декабря 1939 г. Ефиму Павловичу Беляеву²: "Подготавливая к печати книгу "Культурные силы российской эмиграции", обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне о себе следующие сведения: Ваш возраст, образование, деятельность в России, в чем выразилась Ваша культурная работа в эмиграции. ... Материал для своей работы я собираю с 1920 г. по разным книгам, журналам и газетам в области церкви, науки, литературы, медицины, музыки, пения, по разным углам мира проживают и с честью работают на культурном поприще еще много русских сил, о которых мне в печати до сих пор ничего не удалось прочесть, и будет жаль, если лица эти в мой сборник не попадают" (МРК. Ф. О.А. Морозова. Коробка 1. Д. 8). В неопубликованной рукописи О.А. Морозовой есть и дальневосточные востоковеды.

В начале 1949 г. Б.И. Морозов эмигрировал в США, осев в Нью-Джерси. К сожалению, подходящей работы не нашлось, и Борис Иванович решил заняться фермерством. "Задача оказалась трудной и сложной, – писал А. Загорский, – не хватало денежных средств, а потому даже для тяжелых работ не хватало времени и сил. К тому же постоянные заседания, участие в различных комитетах, в церковных, благотворительных и др. комиссиях, куда его постоянно выбирали, отнимали часы и без того короткого отдыха. Надо было бы бросить начатую работу и искать другого применения своих сил и способностей. Но любовь к земле и упрямая настойчивость к достижению намеченной цели гнали его все вперед и вперед. И через несколько лет ферма его на 6000 кур, несмотря на все трудности, действительно вышла на первое место в его штате по своему благоустройству, порядку, чистоте и здоровью, была зарегистрирована, как образцовая" [1].

Фото 4. Могила О.А. Морозовой. Голливудское кладбище. Лос-Анджелес.

Источник: Фото А.А. Хисамудинова. 2002 г.

Photo 4. Grave of O. A. Morozova. Hollywood Cemetery. Los Angeles. Source: Photo by A. A. Khisamutdinov. 2002.

² Беляев (White), Ефим Павлович (1878–1949, Сан-Франциско). Председатель следственной комиссии по борьбе с большевиками. Бежал на Дальний Восток (29 июня 1919 г.). Адвокат в Никольск-Уссурийском. Переехав во Владивосток, стал юриконсультантом Союза сибирских маслodelьных артелей. Уехал в Шанхай (22 октября 1922 г.), затем в США (14 июля 1923). Артист и драматург. Основатель и учредитель общества АРТ (Сан-Франциско). Работал над историей культурной жизни русской общины на тихоокеанском побережье США. Похоронен на Сербском кладбище в Колме.

Силы были надломлены, Борис Иванович частенько находился в больнице и второй инсульт 25 мая 1960 г. свел в могилу. Его похоронили на Свято-Владимирском кладбище вблизи г. Лейквуда.

Ольга Александровна Морозова эмигрировала из Китая через Тубабао в Сан-Франциско в 1951 г. Подробные дневники того путешествия передала в Музей русской культуры в Сан-Франциско. В предисловии к этой уникальной рукописи О.А. Морозова писала: "Мои Записки о Тубабао касаются главным образом жизни и переживаний нашей, маленькой, семьи в связи со всем тем, что происходило вокруг нас. Но по ним легко представить себе вообще жизнь всего лагеря, только одним было там немного хуже, чем нам, а другим немного лучше, фон же для всех был почти одинаков. Я, елико возможно, беспристрастно освещать как события, так и поступки отдельных лиц, то наше многоликое начальство или же свой брат-лагерник. Но Записки мои далеко неполны, так как мои лета и здоровье не давали мне возможности часто посещать другие районы, особенно удаленные, и самой наблюдать их жизнь, а также присутствовать на всех митингах, собраниях, торжествах и прочее. Приходилось узнавать через других, а получаемые таким путем сведения, не всегда отвечали истине, нередко грешили односторонним и пристрастным отношением и требовали проверки. Кроме того, записи дат у меня не всегда точны во времени, особенно за 1950 г., когда я часто болела, уходила в больницу, и потом надо было восстанавливать пропущенное сразу за несколько дней. Поэтому, когда понадобилось уже в Америке приводить свою работу в порядок и еще раз тщательно все проверить опросом лиц, бывших со мною на Тубабао, то пришлось кое-что не только изменить, но и совсем выкинуть. Все-таки, если когда-нибудь серьезный, историк заинтересуется единственной в своем роде Тубабавской эпопеей и решит детально описать ее., то мои записки явятся для него несомненно большим подспорьем" (МРК. Фонд О. Морозовой. Рукопись о Тубабао. Б.с.).

Рукопись О.А. Морозовой использовал известный историк Пётр Петрович Балакшин в своей знаменитой работе "Финал в Китае".

В США Ольга Александровна даже успела переиздать свой роман "Судьба". В 1956 г. она стала гражданкой США. В последние годы Морозова жила в Лос-Анджелесе у дочери Веры, где и скончалась 1 января 1968 г., похоронена на Голливудском кладбище.

Литература

1. Загорский. Памяти Бориса Ивановича Морозова / Загорский // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1960. 9 июня.
2. Морозов Б.И. Монголия: из записной книжки путешественника / Б.И. Морозов. Тяньцзинь: Знание, 1935. 112 с.: портр., ил.
3. Полански П. Русская печать в Азиатско-тихоокеанском регионе = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / П. Полански. М.: Пашков дом, 2015. Ч. 1. 213 с.
4. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. 17 нояб.

References

1. Zagorsky. In memory of Boris Ivanovich Morozov / Zagorsky // Russian Life. San Francisco, 1960. June 9. (In Russ.).
2. Morozov B.I. Mongolia: from a traveler's notebook / B.I. Morozov. Tianjin: Knowledge, 1935. 112 p.: portrait, ill. (In Russ.).
3. Polansyi P. Russian press in the Asia-Pacific region = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Catalog of the collection of the Hamilton Library of the University of Hawaii / P. Polansky. Moscow: Pashkov House, 2015. Part 1. 213 p. (In Russ.).
4. Review of female literary forces of emigration of the Far East // Rubezh. 1934. November 17.

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: khislamut@yahoo.com

Amir A. KHISAMUTDINOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: khislamut@yahoo.com

Поступила в редакцию
(Received) 27.02.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024